

Донбасская быль

Разрушенных улиц плаха...
Мрачней, чем сама печаль,
Старуха без слёз, без страха
Глядит не мигая вдаль.

Ей видится ход столетий,
Военных годин сырец –
Там в бешеном сорок третьем
Остался навек отец...

Померкла в груди разлука
За восемь десятков лет,
Но нынче убило внука,
Что в жизни дороже нет...

...А сзади за ней, под стрёхой,
От гибели в двух шагах,
Вдруг, будто войне помехой,
Чирикнул апрельский птах.

Чирикнул, прочистил горло,
Вдохнул городскую гарь –
И светом таким попёрло,
Что сердца размяк сухарь...

В подглазьях темно и сухо,
Но, с болью идя вразрез,
Касаются трели слуха
Дыханьем самих небес.

Душа – матерьял разменный
В фашистской игре кривой:
Там фриц был – чужой, надменный,
Здесь – хлопец чубатый. Свой...

Ах, пташечка, Божья птица,
Кручину с души стирай!
Святая идёт Седмица:
Убитые – сразу в рай...

Повсюду разор, разруха,
Страдают и дух, и плоть...
И шепчет без сил старуха:
«Пошто не меня, Господь?»

Он переехал в окоп...

Он переехал в окоп от родной жены,
Вмиг променяв уют на кирзу с паршой.
А из окопа звёзды острее видны,
Бог напрямую там говорит с душой.

Нет, удержать не смогла ни одна жена
Рвущегося защищать этот бранный мир.
А из окопа смерть хорошо видна –
Там ей вольготнее, чем в тесноте квартир.

Цели его ясны, остальное – потом:
Дом, и жена, и жизнь (а пока – терпи!..)
Нежась в постели, не забывай о том,
Кто переехал в окоп. Чей уют – в степи.

Не забывай о том, кто собой готов
Бреши людские закрыть и пробоин ад,
Кто искупает грех всех чужих понтов,
Кто каждый миг готов не прийти назад.

Сколь накопилось окрест мирового зла –
Здесь, на земных пространствах, и вне Земли!..
Он переехал в окоп, чтоб любовь жила,
Чтоб мы добро от зла отличать могли.

Друзья и враги

Обросла за жизнь друзьями и врагами.
Как изба красна своими пирогами,

Так и я понапекла вот пирогов
Из друзей, переходящих в стан врагов.

Как ни горько, но пора уже итожить –
Сохранить друзей бы да врагов не множить!..
И мечтаю я создать живой музей
Из врагов, переходящих в стан друзей.

Моим ушедшим

Ещё никто меня не звал
В иные рубежи и сферы,
И не дымил ещё провал
Ни горьким ладаном, ни серой;
И, часовые пояса
Сплетая в шёлковые нити,
Не зазывали голоса
В потусторонние зениты –
Те голоса, что навсегда
Прописаны в обшлагах сердца,
Что смачно схрупала беда,
Как лошадь – розовое сенце...
В те дни восходов и начал,
В дни утренних надежд и смыслов,
Когда простая алыча
Вдруг солнечной системой висла,
Когда мелодии дождя
В сердечные вращали ритмы,
В своё сегодня восходя,
Я шла по лучику молитвы,
По самой кромке снов и фраз,
В потоках слёз и междометий...
И я дошла в своё сейчас
По мостику меж двух столетий.
Родные обратились в звук,
Что ранит поцелуем зова...
Но стали крылья вместо рук
И вместо шага в бездну – слово.

Родина

*И осень, в кроткий лес входя,
как бы молчит пред аналогом...*
Глеб Горбовский

В белых клавишах берёз...
Андрей Вознесенский

Журчит в ручье вода, но март идёт с трудом.
Прогалины небес ещё покрыты льдом.
Сошёл последний снег, остался дождь как фон,
Оттенкал до-ми-соль сосулек ксилофон.

А где-то там платан раззявил во всю дурь
Объятия ветвей, и нет февральских бурь,
И пиний в небесах – зелёный фейерверк,
И в водах рек чужих свет лета не померк...

Но перехватит дух и доведёт до слёз
Блуждание ветров по клавишам берёз...
Здесь как молитва дождь и лес как аналой,
И скорбь плакучих ив – навек в груди иглой...

Ты землю обойдёшь – и вновь придёшь сюда,
Где тоньше всех цикад журчит в ручье вода...

МЫ ВЫСТОИМ

Мучительно жалею свой народ.
Кромсает бомж батон. Крещу вослед.
Тьма нравственный сжигает кислород.
«Да будет свет... – шепчу. – Да будет свет!..»

Бесплотный морок заполняет грудь,
Скребёт в гортани, путает слова...
Я верю, что народ мой не согнуть –
Сто тысяч раз история права!

Мы терпим. На груди рубах не рвём.
И воздух напоён пылью планет.
Мы выстоим. Мы мрак переживём.
«Да будет свет! – твержу. – Да будет свет!»

Мы не алкаем мести и войны,
И угрожать безумцам нам претит.
Мы не жадны, не злы, не голодны.
Но вдруг да нагуляем аппетит?!

Мы печь седлаем. Мы не ищем брод.
Мы долго запрягаем – тыщу лет...
Несокрушимо верю в свой народ:
Он одолеет тьму. Добудет свет.

* * *

Мои очертанья растают во мгле –
Без крика, без злости...
Я гостя всего лишь на этой земле,
Я званая гостя.

А гостю не след по-хозяйски глядеть,
Не след пресыщаться.
Ведь гостю ничем не дано здесь владеть –
А лишь угощаться.

Отведать рассвета, закат пригубить,
Надежды напиться,
Весь мир этот солнечно-лунный любить –
Да не загоститься...

* * *

Что-то случается: раз! – и кончается грусть.
Кто-то приходит и мягко берёт за плечо.
Эту мелодию счастья напеть не берусь,
Просто становится вдруг горячо-горячо.

Просто откуда-то вмиг набегаёт волна,
Просто опять возвращаются все чудеса,
Просто так явственно чувствуешь: ты не одна –
Ветром попутным подуло в твои паруса.

Что это, Господи? Кто это правит судьбой,
Снова сплетая явления в единую вязь?
Миг озаренья – и вот ты летишь над собой,
Смерти, разлуки, забвенья уже не боясь.

Только...

Ни обид, ни грубых прений, ни предавших рук
Я не помню: тлен на тлене – смертный круг разлук.
Взмах ресниц, заветный томик, горы, лес, прибор –
Только жизнь хочу запомнить, унести с собой.

Только лучшие на свете вспышки бытия,
Где наивнее, чем дети, были ты и я.
Только звуки вечной скрипки и – душе вослед –
Нереальный, нежный, зыбкий, бесконечный свет.